

шийся общей панике Ревком обратился к Советскому командованию за помощью. Соответствующие распоряжения были направлены Саблину и Петрову. Со станции Чертково на помощь Донревкому проследовал в Каменскую эшелон с двумя отрядами красногвардейцев, общей численностью до 100 штыков при пяти пулемётах. Это было всё, что удалось наскрести. Сам же Петров оказался неожиданно совершенно в другом месте.

16 января он телеграфировал из *Воронежа*, что «на него наседают со всех сторон» и просил наступать с юга на Глубокую. Столь же тревожная телеграмма была получена Антоновым-Овсеенко и от председателя Воронежского ВРК Моисеева, который требовал срочной присылки «двух полков». Из сбивчивого текста можно было понять, что казачьи части от Черткова выдвинулись к Воронежу, и атакуют здание вокзала.

В действительности дело обстояло «несколько иначе». Часть уральских казаков, следовавших в эшелонах с фронта домой, устроила на станции погром. Завязалась перестрелка с советскими патрулями. Пятеро казаков и три красногвардейца были убиты и несколько десятков ранены. В результате, казаки согласились сдать оружие и, успокоившись, проследовали по маршруту. В конце телеграммы с подробностями происшедшего Петров сообщал, что 18 января отправляется в Миллерово «с несколькими тысячами пехоты, артиллерии и броневиками». На самом деле, по свидетельству Антонова-Овсеенко, «в его распоряжении был отрядик силой не более 500 человек».

4.5. Второе наступление Сиверса. Восстание в Таганроге

Расположенная в Финляндии 5-я Кубанская казачья дивизия сразу после Октября обратилась к советским властям с просьбой пропустить её части на родину. В ответ представителям кубанцев, как и трём Донским полкам, расквартированным в Петрограде, было заявлено следующее. Пропустим, но лишь после внутренней перестройки на основе выборного командо-

вания. 5-я Кубанская свой пропуск не получала до тех пор, пока, как свидетельствует Антонов-Овсеенко, «не были в ней выбраны желательные для нас командиры и признан комиссаром товарищ Мирошниченко, член Казачьего отдела ВЦИКа». Часть казаков поддерживала большевиков, большинство оставалось нейтральными, но все стремились к одному, вернуться скорее домой³²¹. И готовы были смести любую преграду, вставшую у них на пути.

Когда все требования были выполнены, дивизии разрешено было выдвигаться на Кубань. Движение производилось крайне медленно, что на личный состав оказывало самое неблагоприятное воздействие. В начале января эшелоны дивизии с трудом продвигались от Поворино на Царицын. Одно время Советское командование всерьёз задумывалось о том, чтобы с их помощью расчистить путь к Дону для красногвардейских отрядов. Однако маршрут 5-й Кубанской задевал лишь северо-восточные округа Области, Хопёрский и Усть-Медведицкий. Двигаясь за кубанцами, выйти к жизненно важным центрам Дона, ввиду, как их удалённости, так и отсутствия дополнительных серьёзных сил, было невозможно. В этом смысле, надежды, возлагаемые на 5-ю Кубанскую дивизию, себя не оправдали. Однако, неожиданно, удалось другое. Ввиду невозможности протолкнуть по одной ветке вместе с 5-й дивизией еще, что бы то ни было, эшелоны, двигавшихся с фронта *других* кубанских частей следовали на Кубань через Донбасс.

О том, что в результате произошло, можно понять из текста радиограммы, отправленной Антоновым-Овсеенко 6 января:

«Всем, всем, Кубанскому трудовому казачеству особо.

³²¹ Ещё 4 ноября Совет Союза казачьих войск организовал совещание с представителями от расположенных в Петрограде и вокруг него казачьих частей: 5-й Кубанской дивизии, Кубанской батареи, 3-го линейного кавполка, 1-го Кавказского кавалерийского корпуса, 1-го, 4-го, 14-го Донских полков. На совещании был избран выборный казачий комитет «для защиты интересов трудового казачества» (председатель – казак 14-го Донского Иван Лагутин, расстрелянный 27 апреля 1918 г. вместе с другими «подтёлковцами»), который должен был заниматься, в том числе, и содействием вывода с фронта в родные области казачьих частей.

В рудничном районе, где калединские банды разоряли мирное население, насиловали, грабили, – только что был явлен прекрасный пример братской солидарности трудового казачества с остальным трудовым населением России. Возвращавшиеся с фронта кубанцы были остановлены у Иловайской донскими бандитами. При объяснениях по поводу задержки, кубанцы в ответ на грубость калединских офицеров, стали срывать с них погоны, загнали в вагон весь штаб генерала Орлова и увезли его с собой заложниками. Революционные войска воспользовались растерянностью калединцев и вытеснили их из целого ряда шахт. Слава кубанскому трудовому казачеству! Да здравствует союз рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества! Да здравствует рабочая и крестьянская власть! Нарком Антонов».

Не принимая во внимание столь нехарактерный для Антонова-Овсенко пафос, из текста радиограммы можно сделать два вывода:

1. Конфликт возвращавшихся на родину кубанцев с представителями Войскового правительства на Иловайской воспринимался Советским командованием в Харькове едва ли не определяющим фактором разложения Донских полков.
2. Не скрывалось желание и виделось вполне возможным спровоцировать противостояние «калединского» Дона и «просоветских» кубанских казачьих частей³²².

Думается, инцидент в Иловайской, всё же послужил лишь детонатором давно назревавшего взрыва. Не столько кубанцы окончательно разложили донцов, сколько последние ожидали лишь повода к этому. Соприкоснувшись с кубанскими эшелонами, в которых давно уже отсутствовала дисциплина, а в известном смысле, и командный состав, регулярные Донские казачьи полки не могли не почувствовать острого разочарования

³²² Чего, конечно же, реализовать не удалось. Заставить воевать казаков, как Дона, так и Кубани в тот период было уже невозможно. Инцидент на Иловайской был спровоцирован конфликтом между нижними чинами и командным составом, но никак ни между казаками, тем более властями, соседних областей.

в перспективе дальнейшего противостояния с большевиками. Неспособность Донского командования задержать на границах Области кубанцев обернулась тем, что разошлись по домам и донцы.

Калединский фронт в рудничном районе развалился мгновенно. Казаки его просто бросили. Уходили поодиночке, командами, сотнями и полками. Конечно, всё это началось куда раньше, а 4–6 января приняло уже массовый характер. И, разумеется, объяснялось более значимыми факторами: войной, разорением казачьих хозяйств, развалом армии в целом, агитацией и прогрессирующим ещё с сентября разложением... Кубанцы лишь подали пример. Донцы ему лишь последовали.

Так или иначе, но к 6 января казачьи сотни очистили Донбасс совершенно. Восстановить фронт силами донских частей и подразделений, нечего было и думать. Их уже не существовало, тут и там оставались лишь заслоны, да команды незначительной численности, готовые при малейшем нажиме последовать примеру товарищей. Не оставляет никаких сомнений, не наступление Сиверса развалило казачий фронт в Донецком бассейне, но как раз развал фронта позволил ему вновь перейти к активным действиям.

К началу января под командованием Сиверса находились:

- стрелковый полк 4-й кавалерийской дивизии;
- штурмовой батальон XVII корпуса (400 штыков);
- отряд Петроградских красногвардейцев Трифонова (до 300 штыков);
- отряд Красной гвардии Екатеринослава (300 штыков, при поддержке бронеплощадки при 2-х орудиях);
- два эскадрона Драгунского полка 3-й кавдивизии;
- команда Нежинских гусар;
- Харьковская батарея, батареи XVII корпуса и 3-й кавдивизии.

Всего: 1900 штыков (700 солдат старой армии, 1200 красногвардейцев); до 500 сабель; 20 орудий.

Кроме того, с 7 января в Бахмуте стал штаб 4-й кавдивизи.

зии, а в окрестностях расположились остальные её части³²³.

И, наконец, в резерве находилось до 4-х тысяч штыков(!) вновь сформированных отрядов и дружин местной Красной гвардии из Никитовки, Юзовки, и других шахтёрских и рудничных центров.

В преддверии наступления Антонов-Овсеенко 31 декабря перенёс свой штаб в Никитовку. Основой штаба был Секретариат, на котором замыкались связь, администрирование и снабжение. Секретариат осуществлял огромный объём работ, ведая учётом личного состава, оформлением приказов, начислением и выдачей жалования и пособий командирам и красноармейцам, систематизацией разведанных и агитацией среди бойцов вновь прибывающих частей. Заведовала секретариатом женщина. Товарищ Самбро из Ростова.

Здесь же в Никитовке находился и узел связи. Кроме того, по просьбе Антонова-Овсеенко, местный Ревком реквизировал

³²³ С 4-й кавалерийской поначалу также возникли проблемы. Вот что пишет Антонов-Овсеенко: «Много хлопот доставляли нам вновь прибывающие части. Особенно неблагоприятно обстояло с 4-й кавалерийской дивизией. Задержание из состава дивизии Кудинским в Брянске, под предлогом борьбы с пробравшимися на Дон казачьими эшелонами гусарского полка, болезненно переживалось остальными её частями: им казалось, что гусарский полк – на отдыхе. Почти ежедневно начдив Жуков и комиссар дивизии Сергунов доказывали мне, что без гусарского полка дивизия не боеспособна. Но все мои усилия, все приказы Кудинскому вернуть гусарский полк в дивизию оставались тщетны. Вытянуть дивизию в поле из её стоянки (Бахмут-Луганск) было не легко. В Луганске дело осложнилось пьянством, развившимся в драгунском полку. Луганский совет, в похвальном стремлении раздобыться деньгами, решил открыть виноторговлю и пошло такое безобразия, что Саблин возопил по «всем, всем» адресам. Полк в полуразваленном состоянии, удалось вырвать из этой разлагающей обстановки только после серьёзного воздействия.

В Бахмуте погрузка остальных частей 4-й кавалерийской дивизии также протекала неблагоприятно.

Чтобы сломить саботажные настроения и побудить дивизию к действию, пришлось арестовать *кой-кого* из её командного состава...»

И всё же настойчивость Антонова-Овсеенко не пропала даром. При всём при том 4-я кавалерийская была не сборным отрядом, а спянной войной строевой частью. Впоследствии выход её полков на фланг и тылы добровольцев под Ростовом и стал во многом решающим фактором, предопределившим исход борьбы.

оборудование небольшой типографии, и вскоре при штабе начала выходить своя газета «Известия революционных войск». Обеспечивали выпуск также ростовские товарищи Веселовская и Блохин.

Не лучшие отношения сложились у Антонова-Овсеенко с обосновавшимся здесь же, в Никитовке «Центральным Штабом красной гвардии Донецкого бассейна». Штаб фактически Главкому не подчинялся, болезненно реагировал на любую критику в адрес рудничных красногвардейцев, сквозь пальцы смотрел на недисциплинированность и массовое дезертирство. В результате рудничной Красной гвардии были выделены комплекты и вооружение на тысячи бойцов, а на фронте их было в лучшем случае, несколько сотен. Остальные безбоязненно расходились по домам.

Штаб Антонова-Овсеенко, тем не менее, обустроился. Дело оставалось за войсками.

Отряды Сиверса занимали оборону на рубеже Криничная – Ясиноватая – Ханженково. Впрочем, действовал он поначалу весьма осторожно. Вслед за уходящими с фронта казаками Сиверс медленно, то и дело прощупывая разведкой оставленные посёлки и станицы, продвигался к югу.

6 января его отряды продвинулись до Иловайской. Сиверс остановился и затребовал разрешение на дальнейшее продвижение. Уверенный, что Каледин и Корнилов связаны теперь по рукам и ногам противостоянием с Донревкомом, Антонов-Овсеенко не только направил ему соответствующее предписание, но и приложил все усилия, чтобы наступление в общем направлении на Таганрог-Ростов было подготовлено должным образом. Ещё 23 декабря в Крым был послан прибывший из Петрограда матрос А.В. Мокроусов. Он командировался с целью сформировать и привести на Таганрогский фронт отряд Черноморских моряков. Теперь же в Севастополь направлялись новые представители, с которыми предлагалось направить в Азовское море целую эскадру. Как предполагалось, экспедиция должна была выйти не позже 12 января и

поддержать десантом с моря³²⁴ предполагаемое выступление таганрогских рабочих. Для усиления колонны Сиверса ему от Саблина также передавались батарея Ярославского отряда и мортирная батарея, а также переподчинился Гатчинский отряд Левинсона³²⁵.

Не встречая сопротивления, Сиверс к 11 января продвинулся до Матвеева Кургана, где впервые столкнулся с Добровольческой армией.

Ещё в начале января в Ростов переехал из Новочеркасска генерал Деникин и принял командование над всеми частями Армии в Ростове и Таганроге. Начальником своего штаба он назначил генерала Маркова. К началу боёв на станцию Матвеев Курган были направлены Ростовская и Георгиевская роты и команда подрывников 1-й Юнкерской батареи в составе 5-ти офицеров и 13-ти юнкеров. В Таганроге располагались 3-я Киевская школа прапорщиков и Таганрогская офицерская рота. На усиление гарнизона была направлена 1-я рота 2-го Офицерского батальона. Рота прибыла в город 31 декабря на площадках первого блиндированного поезда Добровольческой армии, вооружённого установленным на платформе 3-им орудием 1-й Юнкерской батареи капитана Глотова³²⁶. Была расквартирована в казармах Школы прапорщиков, с юнкерами которой встречала новый, 1918 год. На встрече присутствовал и полковник Кутепов, назначенный начальником Таганрогского участка.

По данным разведки на Таганрог вели наступление до 10000 красногвардейцев. Поэтому позже к отряду Кутепова были присоединены Партизанский батальон имени генерала Корнилова (до 500 штыков) и Морская рота.

³²⁴ Морская экспедиция в составе 3-х тральщиков с десантом была подготовлена лишь 21 января и с прибытием в Таганрог безнадежно опоздала. Пришедший во второй половине января отряд черноморцев Мокроусова в 400 штыков при двух бронеплощадках был направлен уже Саблину под Лихую.

³²⁵ Обеспечивая левый фланг наступления Сиверса, отряд Левинсона от Колпаково продвинулся южнее и, не обнаружив противника, занял район Антрацит – Дьяково – Дмитриевка.

³²⁶ При орудии находилась и вахмистр княжна Черкасская, убитая ружейной пулей в двадцатых числах января в бою под станцией Синявка.

11 января советские войска вышли на подступы к Матвееву Кургану. Пользуясь подавляющим численным превосходством, красногвардейцы помимо фронтального наступления предприняли и глубокие фланговые охваты. В результате 12 января обе добровольческие роты после ожесточённого боя вынуждены спешно оставить станцию. Задержавшаяся для взрыва моста и станционных помещений команда подрывников была окружена. Чтобы не попасть в руки противника 18 офицеров и юнкеров во главе с поручиком Николаевым подорвали себя, используя весь наличный запас взрывчатых материалов.

От Матвеева Кургана советские войска развернули наступление не только вдоль железной дороги к Таганрогу, но и в восточном направлении. Для предупреждения этого движения Кутепов вынужден был выделить из состава своего немногочисленного отряда Ростовскую и Георгиевскую роты.

12 января передовые части Сиверса вышли к станции Ряженое. В результате тяжёлого боя станция была занята 14 января³²⁷.

Бои на Таганрогском направлении с самого начала приняли чрезвычайно ожесточённый характер. Здесь столкнулись, наконец, две непримиримые силы, которым не о чем было договариваться. Со стороны советских войск отмечены были зверства и пытки над захваченными офицерами. В ответ добровольцы перестали брать пленных, расстреливая их на месте.

По свидетельству В.Е. Павлова Корнилов, выступая перед офицерами, сказал следующее: «...вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придётся быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру я на себя...»

В подобном же духе напутствовал перед отправкой на фронт офицеров Гвардейской роты и генерал Марков: «Имейте в ви-

³²⁷ Вечером из Ростова прибыла Гвардейская рота в 60 штыков под командованием полковника Моллера. Едва разгрузившись на станции, она вступила в бой. Красногвардейцы обошли Ряженое и, захватив эшелон Гвардейской роты, расстреляли всех, кто в нём находился, включая медперсонал и машинистов.

ду, – говорил он, – враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными перегружать наш тыл не надо!³²⁸»

Несколько по иному смотрел на проблему Деникин. Вот что он писал: «...стало известным, что большевики убивают всех добровольцев, захваченных ими, предавая перед этим бесчеловечным мучениям. Сомнений в этом не было. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, добровольцы находили изуродованные трупы своих соратников, слышали леденящую душу повесть свидетелей этих убийств, спасшихся чудом из рук большевиков...

Большевики с самого начала определили характер гражданской войны: Истребление...

Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении – без своей территории, без тыла, без баз, представлялись только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или «не брать пленных». Я читал где-то, что приказ в последнем духе отдал Корнилов. Это не верно: без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление», который до известной степени напомнил мрачные страницы русской пугачёвщины и французской Вандеи...

Только много времени спустя, когда советское правительство, кроме своей прежней опричнины, привлекло к борьбе путём насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человеческие обычаи, поскольку это, вообще, возможно в развращенной атмосфере гражданской войны».

Так или иначе, но на Ростовском фронте ни те, ни другие пленных не брали. И уже неважно было, кто начал первым. Ма-

³²⁸ Справедливости ради следует отметить, что, по свидетельству очевидцев, «на некоторых эти слова произвели неприятное и тяжёлое впечатление».

ховик раскрутился, и остановить его было уже невозможно. Случаи зверств, равно как и более-менее доброжелательного отношения к пленным, зависели теперь исключительно от индивидуальных качеств и степени ожесточения бойцов и командиров как той, так и другой стороны.

Всё же общий уровень культуры в Добровольческой армии был несравнимо выше. Поэтому пленных красногвардейцев не пытали, просто расстреливали.

Между тем от взятой станции Ряженое до Таганрога оставалось не более 30 километров. Но добровольческим командованием уже принимались экстренные меры. На фронт были подтянуты из Таганрога 1-я рота 2-го Офицерского батальона с влившейся в её состав Таганрогской ротой (всего до 180 штыков) и из Ростова 2-я рота того же батальона. Две эти роты вечером 15 января выгрузились на станции Неклиновка и, оседлав железную дорогу, заняли оборону севернее. Правее их стали 3-я Гвардейская и Морская роты, дальше Партизанский батальон. Сюда же подтягивалась и сотня партизан Семилетова. На станции стоял блиндированный поезд и в резерве первый добровольческий броневладелец.

Относительно лёгкое продвижение сослужило войскам Сиверса плохую службу. С утра 16 января штурмовой батальон XVII корпуса, оторвавшись от главных сил, повёл атаку на станцию. Добровольцы на выстрелы до поры не отвечали, чем окончательно ввели «революционных» солдат в заблуждение. Вошедший в посёлок батальон был атакован с фронта и флангов и подвергся скорому разгрому. Остатки его обратились в беспорядочное бегство, смешались с подходившими отрядами Красной гвардии и не позволили организовать сопротивление. Офицерские роты преследовали противника на протяжении 4 километров и, остановившись лишь по приказу, отошли на исходные позиции. Позже Кутепов занял Матвеев Курган и этим вынужден был ограничиться.

Разгром был полным. Между Неклиновкой и Ряженым Сиверс оставил одно орудие, 24 пулемёта и броневладелец. Потери были столь велики, что деморализованные остатки

штурмового батальона, потерявшие боеспособность, пришлось отвести в тыл. Победный марш превратился в паническое бегство. Красногвардейцы, несмотря на то, что их никто не преследовал, остановились лишь 17 января на станции Амвросиевка. Только через сутки, когда паника улеглась, и поступили благоприятные известия из Таганрога, Сиверс частью сил вновь занял Закадычное.

Пока же во время отхода он телеграфировал Антонову-Овсеенко со станции Ряженое о том, что потерпел поражение, что положение катастрофическое и требовал резервов. При минимальном нажиме Сиверс без сомнения отошёл бы к Иловайской, а возможно и дальше. Однако этому не суждено было случиться.

В ночь с 15 на 16 января в Таганроге восстали рабочие Балтийского завода. На заводе их числилось до 5000 человек. Немалая часть составила Красную гвардию. Вслед за ними выступили и рабочие других предприятий. Стрелкового оружия, оставшегося «в наследство» от расформированных запасных полков и переданного в конце ноября ещё «ростовским» десантом, хватило на вооружение нескольких сот человек. Паритет рабочих не остановил. С добровольцами были у них свои счёты.

Ко времени выступления в городе находилась лишь рота юнкеров 3-й Киевской школы прапорщиков³²⁹. Одним взводом (до 50 штыков с пулемётом) она занимала вокзал и прилегающую территорию. Другим – спиртовой завод. И полуротой, при которой находился и полковник Мастыко, – Балтийский завод. Части роты сразу же были окружены и изолированы друг от друга. Рабочие дружины засели в домах вокруг расположений юнкеров и начали их обстреливать.

Однако предпринятая атака станции им не удалась. Под прикрытием пущенного на полных парах паровоза рабочие попытались прорваться к зданию вокзала, но паровоз ткнулся с разбега в перрон, сошёл с рельсов и затих. Юнкера же встретили атакующих дружными залпами и заставили их отступить. В

³²⁹ Вторая рота стояла повзводно на станциях на охране железной дороги.

то же время взвод, занимающий спиртовой завод был восставшими уничтожен.

Кутепов, едва лишь узнал о выступлении, направил в город 1-ю роту 2-го Офицерского батальона. Рота без труда пробилась к вокзалу, где соединилась с юнкерами. К тому времени они уже потеряли 5 человек убитыми и до 10 ранеными. Наступить от вокзала в город добровольцы не решились. Рабочие стреляли по окнам вокзала, перестрелка не прекращалась всю ночь.

Вплоть до 18 января положение не менялось. Восставшие не могли ликвидировать две изолированные группы добровольцев и, не желая нести потери, больше не атаковали. Юнкера не имели возможность разгромить выступление ввиду подавляющего численного превосходства противника. То замолкала, то вновь разгоралась перестрелка. Рабочие на вокзале перекрыли подающий водопровод, однако добровольцы приспособились добывать воду из выброшенного на перрон паровоза.

К вечеру 19 января стало ясно, что соединиться группы не смогут, обороняться в городе далее бессмысленно, и следует из него выбираться. За несколько часов до рассвета 20 января полковник Мастыко вывел свою роту с территории завода и стал отходить в северо-восточном направлении. Однако выйти из города незамеченными не удалось. Юнкера сразу же попали под обстрел и уходили с боем, унося легкораненых. В какой-то момент получил тяжёлое ранение полковник Мастыко. Его попытались нести, но Мастыко приказал себя оставить. Юнкера в растерянности скопились перед ним под обстрелом, и тогда полковник застрелился. Лишь после этого юнкера оставили его тело. Полурота вырвалась из Таганрога, потеряв свыше половины состава и не сумев вынести своих тяжелораненых. В районе станции Бессергеновка Киевские юнкера вышли на только что выгрузившийся Юнкерский батальон, прибывший для усиления Таганрогского гарнизона. В дальнейшем батальону вместе с остатками роты Школы прапорщиков была поставлена задача прикрывать со стороны Таганрога железнодорожную ветку на Ростов.

Также до рассвета ушли добровольцы и с вокзала. Но здесь

рабочие им не препятствовали. С севера по железной дороге выдвигался для обеспечения связи взвод 2-й роты 2-го Офицерского батальона. Рабочие дружины расступились с пути следования двух групп. Встреча произошла в районе станции Марцево. Связь была установлена, но Таганрог к тому времени был уже оставлен.

Несколько десятков юнкеров и офицеров, многие – ранеными, попали к восставшим в плен. Судьба их оказалась незавидной. Все они были зверски убиты³³⁰.

После оставления Таганрога отряд Кутепова попадал в тактически проигрышное положение. Он был зажат теперь между приведшим себя в порядок Сиверсом и восставшим Таганрогом. Морская и 3-я Гвардейская роты вместе с Партизанским батальоном стояли севернее станции Неклиновка фронтом на север. Юнкерский батальон и Школа прапорщиков – на линии станций Марцево – Бессергеновка фронтом к Таганрогу. 1-я и 2-я роты 2-го Офицерского батальона находились в резерве. В таком положении отряд простоял четверо суток. Сиверс ограничился занятием 18 января ст. Закадычное. Во многом потому, что под прикрытием блиндированного поезда добровольцам удалось 21 января взорвать мост через р. Миус западнее Матвеева Кургана³³¹.

Попытки наступления на станцию Бессергеновку из Таганрога пресекались Юнкерским батальоном. Поскольку наступательные действия уже не планировались, Кутепову было приказано отвести отряд к Бессергеновке и там закрепиться. Ветка Таганрог – Матвеев Курган была добровольцами оставлена. Когда приказ был выполнен, из отряда Кутепова были изъяты

³³⁰ Автор не считает для себя возможным подробно описывать, что сделали с пленными, не только по эстетическим соображениям. В мае 1919 г. при Главнокомандующем вооружёнными силами на Юге России была создана «Комиссия по расследованию злодеяний большевиков». Один из актов, опубликованных этой Комиссией, целиком относится к Таганрогу. Но это данные «заинтересованной» стороны. Иного, хотя бы «нейтрального» подтверждения допущенных зверств, вполне возможно, не существует.

³³¹ Мост силами роты 24-го железнодорожного батальона был подправлен для пропуска эшелонов и блиндированных поездов к 25 января и окончательно восстановлен к 30 января.

и переведены в Ростов Школа прапорщиков, Юнкерский батальон, Партизанский батальон имени генерала Корнилова, а позже, и Морская рота.

В то время к Антонову-Овсеенко подкрепления подходили, не переставая. К тому же, если к добровольцам просачивались отделения и в лучшем случае взводы, то в распоряжение Советского командования предоставлялись полки и бригады. Так, снятые с Северного фронта, прибыли: к 19 января – 435-й Ямбургский пехотный полк, к 20 января – 3-й латышский Вяземский полк в 400 штыков, к 21 января – 18-й Сибирский стрелковый полк и 13-й тяжёлый артдивизион (3 батареи по 4 орудия) и уже к 7(20) февраля – 5-я Сибирская артбригада (4 батареи). Кроме того, прибывали уже и технические части: две роты 12-го и одна 24-го железнодорожных батальонов, что было особенно важно, учитывая подрывы отступающим противником мостов и порчу железнодорожного полотна, прожекторная команда и даже, так и не использованный за окончанием военных действий, понтонный батальон.

Сиверс, медленно продвигаясь к югу, занял 22 января Матвеев Курган, 24 января Неклиновку и установил связь с Таганрогом. Вот что пишет по этому поводу Антонов-Овсеенко:

«С 21 января Сиверс, окончательно оправившись, перешёл в наступление. Вечером этого дня я был у него в Штабе и наблюдал начало этой операции. Противник, исчисляемый нашей разведкой в два батальона юнкеров и корниловцев при двух бронемашинах и бронеплощадке с двумя горными орудиями, занимал ст. и село Матвеев-Курган. Жел.-дор. мост на реке Миус был противником взорван. Бронеплощадка «кадетов» действовала очень храбро, доходя до самого моста и не давая нашей железнодорожной роте подступиться.

Численный перевес у Сиверса был громаден. Противник, сверх того, видимо, имел недостаток в снарядах, и его артиллерия постреливала очень скудно».

Тем не менее, добровольцы отходили на новые рубежи после боя и в порядке, и только лишь по приказу. Противостояние на Ростовском фронте вступало в решающую фазу.